

**ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**СЛАВЯНСКОЕ
И БАЛКАНСКОЕ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ**
Вып. 25

ПАЛЕОСЛАВИСТИКА – 6

**Ответственный редактор
В. С. ЕФИМОВА**

**Москва
2025**

УДК 811.16

ББК 81.41

С 47

Редколлегия выпуска / Editorial board of the issue
д-р филол. наук В. С. Ефимова (ответственный редактор) /
DSc. (Philology) Valeriya S. Efimova (Executive Editor),
канд. ист. наук А. А. Турилов / PhD. (History) Anatolij A. Turilov

Редколлегия серии / Editorial board of the series
д-р филол. наук А. Ф. Журавлев (ответственный редактор) /
DSc. (Philology) Anatolij A. Zhuravlev (Executive Editor),
д-р филол. наук В. С. Ефимова / DSc. (Philology) Valeriya S. Efimova,
д-р филол. наук И. А. Сedaкова / DSc. (Philology) Irina A. Sedakova,
д-р филол. наук, акад. РАН С. М. Толстая /
DSc. (Philology), Acad. RAS Svetlana M. Tolstaya,
д-р филол. наук Т. В. Цивьян / DSc. (Philology) Tatjana V. Tsivjan

Рецензенты / Reviewers

канд. филол. наук И. И. Макеева / PhD. (Philology) I. I. Makeeva,
канд. филол. наук И. В. Вернер / PhD. (Philology) Inna V. Verner

С 47 Славянское и балканское языкознание. Вып. 25: Палеославистика – 6: Международная коллективная монография / Отв. ред. В. С. Ефимова. Москва: Институт славяноведения РАН; Полимедиа, 2025. – 312 с.

Том «Палеославистика – 6» серии «Славянское и балканское языкознание» представляет собой монографию международного коллектива авторов. Разделы коллективной монографии посвящены обсуждению новейших результатов текущих исследований славянских рукописей X–XIV вв. – их языка, текстологии и палеографии.

The volume of the “Slavic and Balkan Linguistics” series presents the monograph “Palaeoslavistica – 6” written by the international team of researchers. The sections of the co-authored monograph are devoted to the latest results of the ongoing research of the Slavic manuscripts written in the 10th–14th centuries, their language, textology, and palaeography.

ISSN 2658-3372

ISBN 978-5-7576-0525-8

DOI: 10.31168/2658-3372 (серия)

DOI: 10.31168/2658-3372.2025.25 (выпуск)

© Институт славяноведения РАН, 2025

© Коллектив авторов, 2025

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

Предисловие / Preface.....	7
<i>Виктор Савич</i> . Будапештский глаголический отрывок: новые взгляды <i>Viktor Savić</i> . Budapest Glagolitic Fragment: New Perspectives.....	13
<i>А. Д. Паскаль</i> . Неизвестный фрагмент славяно-молдавского списка молитвы Богородице Петра Черноризца <i>Alexander D. Pascal</i> . Unknown Fragment of the Slavonic-Moldavian Copy of the Prayer to the Virgin Mary by Peter Chernorizets.....	45
<i>К. В. Вершинин</i> . Компиляция об Антихристе в Скалигеровом патерике XIII в. <i>Konstantin V. Vershinin</i> . Compilation about the Antichrist in the Scaliger Patericon of the 13 th Century.....	58
<i>Г. С. Баранкова</i> . Какой список Шестоднева лег в основу Архивского Хронографа? <i>Galina S. Barankova</i> . Which Hexaameron Copy Formed the Basis of the Archive Chronograph?	77
<i>А. В. Сизиков</i> . Ранняя редакция древнейшего перевода книги Сираха в поздних списках <i>Aleksandr V. Sizikov</i> . An Early Edition of the Oldest Slavonic Translation of Ben Sira in Later Copies.....	98
<i>Йоханнес Райнхарт</i> . Хорватская традиция апокрифа «Прение Иисуса с дьяволом» (BHG 812f-g) <i>Johannes Reinhart</i> . The Croatian Tradition of the Apocryphon Iesu Contentio cum Diabolo (BHG 812f-g).....	119
<i>Виктория Легких</i> . Служба святым страстотерпцам Борису и Глебу как модель русской княжеской службы <i>Victoria Legkikh</i> . Service to SS. Boris and Gleb as a Model of Russian Princely Service.....	134
<i>Барбара Ломаджистро</i> . К вопросу о жанре Толковой Палеи <i>Barbara Lomagistro</i> . Some Remarks on the Paleya Tolkovaya Literary Genre..	170

<i>А. Л. Лифшиц. Афанасий Никитин и его путеводители по Индии</i> <i>Alexander L. Lifshits. Afanasy Nikitin and his Indian Travel Guides.....</i>	195
<i>Г. А. Мольков. Орфографические данные о новгородском пономаре Тимофее</i> <i>Georgiy A. Molkov. Orthographic Data about the Novgorod Sexton Timofey.</i>	206
<i>В. С. Ефимова. К вопросу о десемантизации глаголов творити и сътворити</i> <i>Valeriya S. Efimova. On the Issue of Desemantization of the Verbs tvoriti and sätvoriti.....</i>	222
<i>Я. А. Пенькова. Конструкции с глаголами имѣти, имати и ѣти в древнерусской письменности XIII–XIV вв. в сопоставлении с древнесербской</i> <i>Yana A. Penkova. Constructions with the Verbs iměti, imati and jati in the 13th–14th-century Old Russian Writing in Comparison with Old Serbian.....</i>	238
<i>А. В. Григорьев. Существительные с суффиксом -ьб- в древнерусских рукописях XI–XIV вв.</i> <i>Andrei V. Grigorev. Nouns with the Suffix -ьb- in Old Russian Manuscripts of the 11th–14th Centuries.....</i>	265
<i>Ростислав Станков. Некоторые редкие сложные слова в Хронике Георгия Амартола</i> <i>Rostislav Stankov. Some Rare Composite Words in George Hamartolos' Chronicon.....</i>	276
<i>М. Н. Саенко. Праславянское *lědwj-: реконструкция семантики и формы</i> <i>Michail N. Saenko. Proto-Slavic *lědwj-: Reconstruction of the Semantics and Form.....</i>	283

А. В. ГРИГОРЬЕВ

Московский педагогический государственный университет,
Россия

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ С СУФФИКСОМ -ЬБ- В ДРЕВНЕРУССКИХ РУКОПИСЯХ XI–XIV ВВ.

В современном словообразовании слова с суффиксом -ьб- традиционно воспринимаются как отглагольные имена (от глаголов на -ить) со значением отвлеченного действия (*ходьба* от *ходить*, *цельба* от *целить* и т. д.) (см., например: Тихонов 2008: 334, 352). По мнению Ж. Ж. Варбот, в древнерусском языке большая часть подобных существительных являлась отглагольными образованиями, некоторые – именными (Варбот 1969: 80). А.-М. Тотоманова отмечает, что в старославянских памятниках употреблялось 15 лексем с суффиксом -ьб-, и все они – отыменные с процессуальным значением (Тотоманова 2005: 238). В. С. Ефимова указывает, что «независимо от реального происхождения этих лексем, большинство из них семантически связано с глаголами, а некоторые ими мотивируются» (Ефимова 2006: 177).

Рассмотрим подробнее некоторые модели образования существительных с суффиксом -ьб-, которые встречаются в древнерусских рукописях XI–XIV вв., с точки зрения исторического словообразования.

Как указывает А. Мейе, исторически в праславянском языке многократные и каузативные формы настоящего времени индоевропейских глаголов с темой -i восходят непосредственно к исконному индоевропейскому корню или к именной основе (форма типа *ходит*, по Мейе, может быть или от **sed*, или от *ходь* / *ходь*), хотя инфинитивы, как отыменные образования, безусловно, образовывались от именных форм: *ходь* / *ходь* > *ходити*. Тем не менее сравнение славянских, германских и латинских соответствий позволяет А. Мейе утверждать, что такие формы как *гостит* и *гостить*, *честит* и *честить*, *жалит* и *жалить* были однозначно отыменные (от *гость*, *чьсть*, *жаль*). Как известно, именные основы могли оформляться при помощи разных тематических звуков основ, один из самых древних был именно суффикс *i̯, хотя при образовании каузативов, как пишет Мейе, могли

использоваться имена с разными тематическими элементами основы, например, *плънь* (*полн*) > *плънѣть*, *любъ* > *любитъ*, *цѣль* > *цѣлѣть* (Мейе 2001: 187, 192). Как указывает А. М. Камчатнов, основа **chod-* как имя «могла оформляться при помощи разных тематических элементов основы»: **ĭ – *chodĭs* (**ходь*) > *ходьба*, *-ходь* (в словах типа *иноходь*); **ĭ – *chodŭs* > *ходъ*, отсюда *ходкий*, *походка*; **ǫ – *chodǫs* > *ходок*. Имя от основы **chod-* могло быть оформлено и при помощи тематического элемента **ā*, хотя, по мнению А. М. Камчатнова, «единственным следом такого оформления является слово *похода* ‘*походка*’»: Якоже се гл҃ю, бл҃ѣдость, и усь, и похода обычаина (βαδίσματος)» Гр.Наз., 70. XI в. (СлРЯ XI–XVII, 18: 55; Русский Древослов, URL: <http://www.drevoslov.ru/khod2tree/5508-hod> (дата обращения 15.10.2024)).

Как отмечает Г. А. Хабургаев, для образования слов на *-ьба* исторически использовался и.-е. суффикс **b* < **bh*, с тематическим **ā*, то есть **bhā*, который, в свою очередь, присоединялся к тематическому гласному производящего имени **ĭ*, образуя имена женского рода (*борьба* (**bor-ĭ-b-a*), *татья*, *жльдьба* ‘штраф’). Затем элемент *-ьб-*, по Хабургаеву, в результате опрощения выступает уже как самостоятельный суффикс с общим значением действия или состояния, который может мотивироваться как глаголом, так и существительным (*мольба* (от *молити*), *судьба* (от *судъ* и *соудити*), *слоужьба* (от *слоуга* и *служити*), *цѣльба* (от *цѣль* и *цѣлѣти*)). В другом случае и.-е. суффикс **b* присоединяется к основам на **ǫ* и образует существительные типа *зълѡба* (от *зълъ*) (Хабургаев 1974: 204, см. также Тотоманова 2005: 240).

Итак, оказывается, что в праславянский период исследуемые нами существительные с суффиксом *-ьб-* были не отглагольными, а образовывались с суффиксом *-*b* от имен с основой на **ĭ*. По всей вероятности, к таким словам можно отнести существительные, у которых в древнейший период, во-первых, были соотносительные отраженные в языке того периода существительные **ĭ*-склонения, а во-вторых, в словообразовательном гнезде отсутствовал глагол на *-итъ*, или этот глагол был представлен в более поздних памятниках. Затем суффикс *-ьб-* начинает присоединяться к другим именным (не на **ĭ*) и позднее к глагольным основам. Прояснение ситуации затрудняет то, что в древнейших памятниках многие лексемы могут быть не зафиксированы, хотя, возможно, они и существовали в языке.

Можно предположить, что с точки зрения исторического словообразования слова с суффиксом -ѣб- в древнерусских текстах следует разделить на четыре группы. В первую группу попадут существительные с суффиксом -ѣб-, которые не имели соотносительности с соответствующим глаголом, то есть исторически были образованы от именной основы *ї-склонения. Ко второй группе мы отнесем слова, образованные непосредственно с помощью суффикса -ѣб- от именных основ существительных преимущественно *ѣ-склонения. Эти слова исторически не имеют соотносительности с соответствующим глаголом на -ити. К третьей группе – слова, которые имеют соотносительность и с существительным, и с глаголом. К четвертой группе – только с глаголом.

В рамках данного раздела рассмотрим подробнее некоторые слова с суффиксом -ѣб- в древнерусском языке, отмечая случаи первого употребления данных слов в старославянских письменных памятниках.

Самое древнее существительное первой группы, то есть слово, не имеющее соотносительности с соответствующим глаголом и исторически образованное от именной основы, – это слово *татѣба* (от *татѣ*). Это единственный пример, когда в этимологическом гнезде отсутствует глагол **татити*, поэтому следует полагать, что существительное *татѣба* исторически образовалось непосредственно от слова *татѣ*, *ї-склонения, когда *ї мог еще принадлежать древней основе: **tat-ĩ-b-a*.

Отсутствие соотносительного глагола показывает, что первоначально суффикс здесь, вероятнее всего, мог иметь широкое первоначальное значение – ‘то, что имеет отношение к тому, кто назван или что названо производящей основой’.

Тогда схема образования может выглядеть так:

**tat-ĩ-s* + **b* > **tat-ĩ-b-a*, в результате опрошения: *татѣ* > *там-ББ¹-а*, суффикс -ѣб¹- со значением ‘то, что имеет отношение к тому, кто назван производящей основой’¹.

Слово *татѣба* зафиксировано еще в старославянских памятниках конца X – начала XI вв.: *отъ срьдѣца бо нсходатъ оубнства, татѣбы* (Мт. 15: 19) Зогр (СС: 690), а также уже в ранних древнерусских памятниках: *Стыднса (м)ѣста, на немѣже жнв(є)шн о татѣбѣ*.

¹ Индексами мы будем обозначать суффиксы -ѣб- с различным значением по порядку их описания в разделе; вопрос о том, полисемия перед нами или омонимия, требует отдельного рассмотрения.

Изб.Св. 1076 г., 374; Два же образа еста татьбы: ово убо... явленная татьба, ово же неявленная татьба. Новг. корм., 323. 1285–1291 гг. (СлРЯ XI–XVII, 29: 224–225).

В старославянских и в древнерусских рукописях не был зафиксирован соотносительный глагол **татити* в том числе потому, что существовал синонимичный глагол *красти* (представлен еще в старославянском языке). В древнерусских текстах отмечается только редкий поздний глагол *татьбити* < *татьба*: А будеть у зорника братъ или иное племя и за животь поймаются, ино государю на нихъ и покруты искать, изорничю брату изорничю племяни государя не татбить ни лукошки, ни кадки. Псков.суд.гр., 19. XVI в. ~ XV в. (СлРЯ XI–XVII, 29: 225).

Вместе с тем в древнейших текстах слово *татьба* регулярно выступает на месте греческого *κλοπή* ‘воровство, кража, хищение’, которое соотносилось с глаголом *κλέπτω* ‘красть, укрывать, похищать, утаивать’, поэтому, по всей вероятности, мы можем сказать, что уже в древнейших текстах суффикс *-ьб¹-* в слове *татьба* под влиянием греческого языка используется в значении ‘действия лица, названного производящей основой’. С XIV века влияние оказывает и модель *красти* > *крадьба*, где слово *крадьба* используется в первую очередь в процессуальном значении: А иже аще идет... на крадбу или на на разбоиничьство и аще от сихъ какова либо убиуть и умереть никто же да не поеть его и никаковы же памяти да не творят ему. Правила, 149. XIV в. (СлРЯ XI–XVII, 8: 6), поэтому постепенно в древнерусских текстах начинается активное использование и слова *татьба* в процессуальном значении: А любучанъ дву человекъ... поимали въ татбѣ надо пчелами. Польск.д. I, 154. 1494 г. (СлРЯ XI–XVII вв., 29: 224–225). Тогда указанную выше схему можно представить следующим образом:

тать > *тат-ьб²-а*, суффикс *-ьб²-* со значением ‘действие лица, названного производящей основой’ (процессуальное значение).

В текстах после XV в. мы можем встретить слово *татьба* с суффиксом *-ьб-* в объектном значении: А которого татя поймают с какою татбою ни буди впервые... ино его казнити торговою казнию. Суд. Ив. III, 20. XV–XVI вв. ~ 1497 г. (СлРЯ XI–XVII, 29: 224–225).

Схема: *тать* > *тат-ьб³-а*, суффикс *-ьб³-* со значением ‘объект действий лица, названного производящей основой’.

На первый взгляд кажется, что к этой же группе можно отнести и древнерусское слово *гридьба*, поскольку соотносительный глагол *гритити* хотя и существует, но является гапаксом, отмечено только единственное употребление в переводе Хроники Геоогия Амартола: Иоульянь... дасть же и законъ тако, яко хр(с)тяноу не гритити ни творечьскимъ <ни риторьскимъ> ни философьскимъ оученьемъ оучитисѧ. ГА XIII–XIV, 228в (СДРЯ XI–XIV, 2: 389) как соответствие греческому *στρατεῖω* ‘состоять на военной службе’. Однако слово *гридь* ‘телохранитель князя, воин, член младшей княжеской дружины’ не является (как *тать*) исконным славянским, это слово – заимствование из древнескандинавского *grīdi* ‘товарищ, телохранитель, первоначально ‘домочадец, слуга’, затем оно морфологически адаптировалось в древнерусском так же, как слово *ѣ*-склонения. От слова *гридь* образовано слово *гридьба* – по всей видимости, уже с помощью опрошенного суффикса -ьб-: (1195) идоша съ кнѣземъ ярославъмъ · огнищане и грьдѣба и коупци · (Новгородская первая летопись по Синодальному списку, 170 (вторая половина XI в. – 1352, НКРЯ). Интересным здесь кажется то, что слово *гридьба* имеет необычное для суффикса -ьб- собирательное значение ‘совокупность гридей, княжеская дружина’, когда характеристики, признаки переносятся с одного субъекта на класс лиц.

В данном случае схема образования такова:

гридь > *грид-ЬБ⁴-а*, суффикс -ьб⁴- со значением ‘совокупность лиц, названных производящей основой’.

Рассмотрим некоторые слова из второй выделенной нами выше группы слов. В эту группу мы отнесем слова, образованные непосредственно с помощью суффикса -ьб- от именных основ существительных преимущественно **ѣ*-склонения. Такие слова не имеют соотнесенности с соответствующими глаголами на -ити.

Проанализируем примеры, расположив их хронологически. Сначала рассмотрим примеры, которые фиксируются еще в старославянских текстах. В данных памятниках мы можем найти следующие существительные данного типа: это *вльшьба*, *врачьба*, *дрожьба* и *стражьба* (указаны в алфавитном порядке). Обратим внимание, что в старославянских рукописях отсутствуют глаголы *вльшити*²,

² В старославянских текстах фиксируется глагол *вльснѣти* (СС:118), но он имеет значение, которое не соотносится с семантикой существительного: ‘говорить косноязычно’.

врачити, дружити, стражити. Отметим, что первоначальное значение слов и суффиксов в старославянском языке определять достаточно затруднительно, так как, во-первых, слова в старославянских текстах могут быть гапаксами, во-вторых, на семантику может оказывать влияние греческое соответствие лексемы.

Рассмотрим образование данных существительных подробнее.

Так, в слове *вльшьба* (*вьльшьба*) представлен суффикс *-ьб¹-*:

Схема: *вльхвь* (*вьлхвь*) > *вльш-* (*вьлш-*)-*ьб¹-а* ‘колдовство’, суффикс *-ьб¹-* со значением ‘то, что имеет отношение к тому, кто назван производящей основой’.

То, что суффикс *-ьб-* в слове *вльшьба* представляет нам исконное («именное») значение, подтверждается тем, что в старославянском языке слово может являться соответствием греческого *μαγεία* ‘учение магов, колдовство’, которое само образовалось от именной основы существительного *μάγος*: *Ληξ βο κρѣстьянъ есмъ н не вѣдѣ ни вльшьбы ни проказьства* Супр 111: 25 (СС: 118–119).

В то же время в древнерусских текстах встречаются случаи, где слово *вльшьба* используется в процессуальном значении, например, отьдавьши сѧ вльшьбамъ (Ефр.корм.); заколѣниємъ волшьбы творити. рекше жертвамѣ възбранено естъ. (тѣ... *μαγτεύεσθαι*) КР 1284, 324г (СДРЯ XI–XIV, 2: 166), где греческими соответствиями выступают именные и глагольные формы, соотносимые с греческим глаголом *μαγτεύομαι* ‘прорицать, колдовать, заниматься чародейством’. Таким образом, мы видим, что в древнерусских текстах слово *вльшьба* встречается с суффиксом *-ьб²-* в значении ‘действие лица, названного производящей основой’:

вльхвь (*вьлхвь*) > *вльш-* (*вьлш-*)-*ьб²-а*, суффикс *-ьб²-* со значением ‘действие лица, названного производящей основой’ (процессуальное значение).

В поздних древнерусских текстах мы можем встретить слово *вльшьба* с суффиксом *-ьб³-* в объектном значении: и ре(ч) игумень [монаху] изложи [из пояса] волшбу свою. ѿвѣща согрѣши(х) прости мѧ. и ре(ч) игумень измѣте волшьбы юго. ПріЮр XIV, 276а–б. (СДРЯ XI–XIV, 2: 166).

Схема: *вльхвь* (*вьлхвь*) > *вльш-* (*вьлш-*)-*ьб³-а*, суффикс *-ьб³-* со значением ‘объект действий лица, названного производящей основой’.

Особое место в этой группе занимает слово *врачьба*. С одной стороны, данное слово возводится к существительному *врач*: глагол *врачити* отсутствует и в старославянском, и в древнерусском языке (только в XIV в. в древнерусских текстах встречается гапакс *врачитисѧ*), что может определяться заимствованным характером слова *врачь* (Аникин, 9 2015: 35–36). С другой стороны, семантика данного слова уже в старославянских текстах подвергается влиянию, с одной стороны, греческого соответствия слова *θεραπεία* (в значении ‘врачебный уход, лечение’) от глагола *θεραπεύω* ‘служить’, позднее ‘окружать врачебным уходом’, с другой стороны – его славянского синонима, существительного *лѣчьба*. Последнее, как указывают этимологи, можно мотивировать двояко: через существительное *лѣкъ* (*лѣка*), которое зафиксировано только в древнерусском языке, но восходит к праславянскому **lěкъ* / **lěka*, или через глагол *лѣчити*, который зафиксирован также только в древнерусском, но в старославянском представлен глагол *лѣковати*, который также некоторые исследователи признают производящим (то есть нам необходимо отнести слово *лѣчьба* к существительным с суффиксом -ьб- третьей группы). Само праславянское **lěкъ* большинство этимологов считает ранним германским заимствованием (см. подробнее: ЭССЯ, 14: 193). Наличие соотносительного глагола приводит к тому, что слово *лѣчьба* в старославянском и древнерусском языках активно используется в процессуальном значении ‘процесс лечения’, а также во вторичном инструментальном значении ‘средство лечения, лекарство’. Также наблюдается влияние греческого соответствия – в старославянских текстах им выступает существительное *ἰασις* ‘лечение, также средство лечения’ (оно отглагольное, от *ἰάομαι* ‘лечить’) (СС: 315).

Таким образом, несмотря на отсутствие у слова *врачьба* соотносительного глагола *врачити*, под влиянием греческого соответствия и существительного *лѣчьба* слово *врачьба* используется в процессуальном (в старославянских и древнерусских текстах), а затем (в древнерусских текстах) и в инструментальном значении: Творѣ'ше еѧ на же на врач'бѧ. Супр 516: 22 (СС: 123); дѣтати разболѣвшюся и много врачебное прилежанье приѣмшю, ре(ч) Мании: «безъ врачбы ицѣлю и...» ГА XIII–XIV, 196а; мощно сѣстисѧ. мл(с)тынею прилагающа врачбы. и язвы цѣлаше. ПНЧ 1296, 157. (СДРЯ XI–XIV, I: 487).

Схемы для данных слов можно представить следующим образом:

врачь > *врач-ББ²-а* ‘лечение, процесс лечения’, суффикс -ьб²- со значением ‘действие лица, названного производящей основой’ (процессуальное значение), под влиянием слова *лѣчьба*.

врачь > *врач-ББ⁵-а* ‘средство лечения, лекарство’, суффикс -ьб⁵- со значением ‘инструмент действия лица, названного производящей основой’, под влиянием слова *лѣчьба*.

Кратко охарактеризуем древнерусские слова второй группы *дружьба* и *стражьба*, которые также встречались еще в старославянских текстах.

Можно предположить, что слово *дружьба* образовалось от слова *дружь*, так как в старославянских текстах глагол *дружити* отсутствовал. В наших источниках *дружьба* регулярно выступает на месте греческого *φιλία* ‘дружба, любовь, привязанность’, которое соотносилось с глаголом *φιλέω* ‘любить, относиться по-дружески’, поэтому мы можем сказать, что, по всей вероятности, уже в древнейших славянских текстах суффикс -ьб- в слове *дружьба* под влиянием греческого языка используется в значении ‘состояние лица, названного производящей основой’: не помніть дружьбы. Клоц 46: 15 (СС: 197).

Схема: *дружь* > *дружь-ББ²-а* ‘дружба, отношения между людьми, основанные на взаимной привязанности’, суффикс -ьб²- со значением ‘состояние лица, названного производящей основой’.

В древнерусском языке, как считает А. Е. Аникин, слово *дружьба* – это книжное заимствование, сохранившее исконное старославянское / церковнославянское значение, а в праславянском данное слово могло иметь значение ‘группа людей, объединенных узами дружбы, общими интересами’ (Аникин, 15: 26–27). На основании этого мы можем реконструировать первоначальную схему образования данного слова:

дружь > *дружь-ББ⁴-а*, суффикс -ьб⁴- со значением ‘совокупность лиц, названных производящей основой’.

В древнерусских рукописях находим контекст, в котором можно увидеть развитие данного значения: народи бо раздѣльшеси и на дружьбы (*εταίριας*) ЖФСт XII, 142об. (СДРЯ XI–XIV, III: 93), где слово *дружьба* используется в значении ‘товарищество, содружество, группа людей’ как соответствие греческому *εταίρεία* ‘общество, товарищество, союз, совокупность лиц’.

Слово *стражьба* в словарях старославянского и древнерусского языков обычно определяется как ‘стража’, что, как кажется, можно

понять как ‘стража, совокупность лиц, несущих караульную службу’. Таким образом, здесь можно предложить следующую схему:

стражь (или *стража*) > *страж-ьб⁴-а*, суффикс -ьб⁴- со значением ‘совокупность лиц, названных производящей основой’.

Однако в старославянских текстах мы находим только одно употребление этого слова – в Синайской Псалтыри: *варісте стражьбы оуі моі*. Пс 76:5. Син (СС: 627). Следует обратить внимание, что здесь в библейском контексте *стража* – это не совокупность караульных, а мера времени. Смысл этого фрагмента таков: *очи мои предваряют утреннюю стражу*, то есть буквально: ‘я не смыкаю очей’. Возможно, слово *стражьба* здесь – это буквальный перевод греческого *φυλαχή* ‘стража, караул, гарнизон, стража как мера времени’.

Также у данного слова в древнерусских текстах мы находим значение: ‘сторожевой пост, сторожевая башня’. Представим схему:

стражь (или *стража*) > *страж-ьб⁶-а* ‘сторожевой пост, сторожевая башня’, суффикс -ьб⁶- со значением ‘место нахождения лиц, названных производящей основой’.

Вместе с тем под влиянием греческого языка, где слово *φυλαχή* соотносилось с *φύλασσω* ‘сторожить, охранять’ (отсюда в древнегреческом языке у слова *φυλαχή* представлены значения ‘наблюдение, несение охраны’), в древнерусских текстах мы встречаем примеры, где слово *стражьба* начинает использоваться в значении ‘охранение, оберегание’ (процессуальное значение): *Стражьбу земли Руской мужествомъ держаше*. Новг. IV лет., 352. XV–XVI вв. (СлРЯ XI–XVII, 18: 124).

В этом случае схему можно представить так:

стражь (или *стража*) > *страж-ьб²-а* ‘охранение, оберегание’, суффикс -ьб²- со значением ‘действие лица, названного производящей основой’ (процессуальное значение).

Обратим внимание, что в старославянских рукописях глагол *стражити* не был представлен вообще, в древнерусских текстах данный глагол появляется после XV века. Активное использование слова *стражьба* в процессуальном значении можно объяснить и возникновением соотношения существительного с данным глаголом.

В заключение отметим, что существуют и древнерусские слова данной (второй) группы, которые не встречались в старославянском языке, при этом, как считается, являются именными образованиями. Впрочем, относительно однозначно можно говорить об этом, следуя

Ж. Ж. Варбот, применительно к слову *солъба* ‘посольство’ от *съль* (*солъ*) ‘посол’: (912) Егда ходимъ в солбу к ѿреви нашему. Ипат.лет., 26. XV в. (Варбот 1969: 80; СлРЯ XI–XVII, 26: 140).

Схему для данного слова можно представить так:

солъ > *сол-ьб-а* ‘посольство’, суффикс *-ьб⁴* со значением ‘совокупность лиц, названных производящей основой’.

По мнению Ж. Ж. Варбот, к подобным (именным) образованиям можно отнести слова *тяжьба* (от *тяжа*), **стчьба* (от *стчь*), **вьсьба* (от *вьсь*) (Варбот 1969: 80). Однако, рассматривая, например, существительное *вьсьба*, мы можем обратить внимание, что оно не фиксируется словарями, а реконструируется Ж. Ж. Варбот на основе производного от него прилагательного *вьсьбное* ‘сбор с веса товара’. При этом слово *вьсьбное* возникает в XV в., хронологические рамки появления слова *вьсьба* определить затруднительно. В любом случае к XV в. уже существовали и возможное производящее, по мнению Ж. Ж. Варбот, слово *вьсь*, и глаголы *вьсиги* и *вьшати*. То же относится к слову **стчьба*, которое восстанавливается на основе слова *стчьбный* ‘относящийся к сражению’ (не ранее XVI в.).

Итак, мы рассмотрели историю некоторых слов с суффиксом *-ьб-* в древнерусских рукописях XI–XIV вв., произвели классификацию данных слов, разбив их на четыре группы (в докладе рассмотрели подробно только первые две), выявили наличие шести вариантов суффикса *-ьб-* с различными значениями. Наше исследование обнаруживает проблемы сложности анализа слов в древних текстах со словообразовательной точки зрения, поскольку всегда нужно иметь в виду, что некоторые слова могут существовать в языке, но не фиксироваться в текстах определенной эпохи. Также в древнейший период возможно влияние семантики греческого языка на славянские лексемы в переводных текстах и существующих параллельно продуктивных моделей словообразования.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ РУКОПИСЕЙ

Зогр – Зографское евангелие, древнеболгарская рукопись X–XI вв.

Клоц – Клоцов сборник, древнеболгарская рукопись X–XI вв..

Син – Синайская псалтырь, древнеболгарская рукопись X–XI вв.

Супр – Супрасльская рукопись, древнеболгарская рукопись X–XI вв.

ЛИТЕРАТУРА

- Аникин – *Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2007 –.
- Варбот 1969 – *Варбот Ж. Ж.* Древнерусское именное словообразование. М.: Наука, 1969.
- Ефимова 2006 – *Ефимова В. С.* Старославянская словообразовательная морфемика. М.: Институт славяноведения РАН; Пробел – 2000, 2006.
- Мейе 2001 – *Мейе А.* Общеславянский язык. М.: Прогресс, 2001.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru.
- Русский Древослов. Историко-словообразовательный словарь русского языка: URL: www.drevoslov.ru.
- СДРЯ XI–XIV – Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. М., 1988 –.
- СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975 –.
- СС – Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.). М.: Русский язык, 1994.
- Тихонов 2008 – *Тихонов А. Н.* Словообразовательный словарь русского языка. М.: АСТ: Астрель, 2008. Т. 2.
- Тотоманова 2005 – *Тотоманова А.-М.* *Таиьбна, таиьбникъ, таиьбно* в Су-прасълския сборник и историята на един словообразователен модел // Преславска книжовна школа. Шумен: Унив. изд-во «Епископ Константин Преславски», 2005. Т. 8.
- Хабургаев 1974 – *Хабургаев Г. А.* Старославянский язык. М.: Просвещение, 1974.
- ЭССЯ 1987 – Этимологический словарь славянских языков. М.: Наука, 1987. Вып. 14.

Andrei V. Grigorev

Moscow State Pedagogical University, Russia

**Nouns with the Suffix -ьб-
in Old Russian Manuscripts of the 11th–14th Centuries**

The paper analyzes the suffix -ьб- by tracing its origin, examining its word-formation models and comparing the usage and semantics of relevant lexemes in Old Russian manuscripts of the 11th–14th centuries with those in Old Slavonic sources of the 10th–11th centuries.

Key-words: historical word formation, suffix -ьб-, Old Russian manuscripts of the 11th–14th centuries, Old Slavonic sources of the 10th–11th centuries, word-formation models, semantics